

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Проклятие короля-оборотня
Сердце принца-ворона

Продолжение следует...

Тессония Одетт

СЕРДЦЕ
ПРИНЦА-
ВОРОНА

Freedom

Москва

2023

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-41

Tessonja Odette
HEART OF THE RAVEN PRINCE

© 2021 by Tessonja Odette
Cover illustration and design by Tessonja Odette
All rights reserved

Одетт, Тессония.

О-41 Сердце принца-ворона / Тессония Одетт ; [перевод с английского Е. В. Каштановой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 512 с. — (Young Adult. Связанные узлами с фейри).

ISBN 978-5-04-169579-8

Принц Франко – вампир, питающийся эмоциями, наследник королевства Лунарии и мечта каждой дебютантки. За исключением Эмбер.

Девушка жаждет разорвать сделку, по условиям которой она не может покинуть свой дом до девятнадцатого дня рождения. От случайной встречи с принцем Франко у Эмбер остались не лучшие впечатления. Но когда выпадет шанс сбежать от коварной мачехи, Эмбер будет готова заплатить любую цену.

Чтобы выглядеть достойным наследником, принц Франко обязан жениться. На маскараде Новолуния он должен хитростью отсрочить выбор невесты. Однако что может быть лучше, чем союз с отчаявшейся девушкой, сбежавшей из дома?

Теперь Эмбер ровно до полуночи должна исполнить свою роль: не только сопровождать принца, но и постараться не влюбиться в него. Когда маски спадут, а чары рассеются, смогут Эмбер и Франко сохранить свою любовь? Или игра в ложь окажется сильнее чувств?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Каштанова Е., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-169579-8

ФЕЙРИВЭЙ

БРЕНДОН

Эмбер

В одиночестве есть своя музыка. Но мне редко удается ее услышать. Лишь по утрам, пока день еще не наполнился какофонией требований, а до восхода солнца целый час, я могу насладиться миром и покоем. После рассвета мне придется покинуть убежище на крыше и вернуться к домашним обязанностям. Однако сейчас я слышу ее — едва уловимую песню спящего города.

Раздается уханье совы, и я бросаю взгляд на соседнюю крышу, откуда за мной наблюдает пара ярко-желтых глаз. Сова ухает снова, будто прося признать ее участие в предрассветной песне.

— Я тебя слышу, — шепчу, прислоняясь головой к кирпичной трубе, и вытягиваю ноги, защищенные от холодного воздуха толстыми шерстяными рейтузами, вдоль узкого плоского выступа, расположенного между покатыми сторонами крыши.

Здесь мое святилище, во всем своем неряшливом, измазанном сажей великолепии. Мое место в невидимом оркестре.

Закрыв глаза, я словно заворачиваюсь в музыку. Уханье совы, легкий ветерок, шелестящий в темном небе, стрекот сверчков, эхом доносящийся из окружающих город сельских просторов. Еще один знакомый звук — топот енота, что подбирается к мусорным бакам, громоздящимся в узком переулке между нашим и соседним многоквартирным домом.

— Тебя я тоже слышу, — сообщаю еноту, плотнее запахивая шерстяное пальто, надетое прямо поверх ночной рубашки.

Вокруг по-прежнему звучит колыбельная, и я нежусь под гаснущим светом луны, целующим закрытые веки. Пройдет совсем немного времени, и солнце захватит лунную территорию. Даже здесь, в Лунарии — Лунном королевстве, мы не свободны от власти дневного света и привносимой им суеты. Из одиннадцати королевств острова Фейривэй лишь в Лунарии в дневное время царит вечный полумрак и солнечным лучам приходится пробиваться сквозь тусклую дымку. Тем не менее, как и в других королевствах, утром зазвонят колокола. Город Эванстон пробудится ото сна.

И я проведу очередной день, расплачиваясь за наиглупейшую сделку.

Но, по крайней мере, у меня есть этот миг.

Уже в скором времени все изменится. Музыка наполнит мои дни и озарит ночи. Я освобожусь от своей семьи, оставлю позади прошлое и все пережитые невзгоды. Я смогу стать другой.

Лишь тогда я найду для себя место в этом мире. Мелькнувшая мысль вызывает улыбку.

Я открываю глаза и тянусь к карману пальто, извлекая на свет свое самое большое сокровище — талон на поездку на поезде. Билет на свободу — в буквальном смысле слова. Я всюду ношу его с собой. Через две недели я оставляю позади привычную жизнь и на вокзале Эванстона сяду в поезд, идущий в город Люменас в Звездном королевстве. Его считают музыкальной столицей Фейривэя. Говорят, для начинающих музыкантов там открываются просто безграничные возможности. Приехав в Люменас, я твердо намерена присоединиться к музыкальной труппе и начать новую жизнь, без каких-либо привязанностей и удушающих уз. Лишь с мелодией на кончиках пальцев.

Касаюсь пальцами гладкой бумаги, осторожно, чтобы не запачкать дату или отметку об оплате проезда. Я почти год откладывала деньги и наконец на прошлой неделе сумела тайно купить билет. Но мне до сих пор не верится, что он настоящий и свобода в самом деле так близка.

Почти рядом.

Еще две недели.

На билет вдруг падает синий отсвет. Вздвигнув, я поднимаю взгляд и замечаю три ярко-синих огонька, зависших над головой. Странно видеть их здесь. Пусть Фейривэй и населяют фейри, которые к тому же составляют всю правящую верхушку, но Эванстон по большей части человеческий город. На его улицах редко можно встретить диких фейри, таких как эти огоньки.

Однако сейчас они очень близко, и в ярких кружочках света, делающих их похожими на светлячков, мне хорошо видны их крошечные личики и коротенькие ручки и ножки. Фейри с любопытством рассматривают мой билет.

— Собираешься в путь? — спрашивает одна из них тонким женским голоском.

Я молча аккуратно складываю билет и убираю обратно в карман.

— Зачем тебе поезд? — вступает другая, голос ее немного выше, чем у первой. — Мы проводим тебя, куда захочешь.

Я лишь фыркаю. Все знают, что огонькам нельзя доверять, особенно когда речь идет о путешествиях или направлениях.

— Пойдем с нами, — поддерживает третий, у него голос более мужской. — Прямо сейчас.

— Сейчас я не готова, — поясняю я, но это верно лишь наполовину. Если бы все зависело только от меня, я бы давно оставила свою семью. Но, согласно условиям сделки, не могу покинуть их до девятнадцати лет.

— Тогда поиграй с нами! — снова начинает первая, взлетая по спирали все выше надо мной. — Давай летать!

Я бросаю на нее удивленный взгляд.

— Я не умею летать.

— Ты соткана из ветра, — сообщает вторая.

В груди возникает болезненная пустота. Откуда она знает?

— Да. Моя мать была сильфидой.

— Была, — как эхо повторяет она.

— Она умерла одиннадцать лет назад.

— Тогда летим с нами! — предлагает огонек-мужчина. — Почтим ее память.

— Говорю же — не умею! Я лишь наполовину феяри и не могу летать, как она. Хватит играть с моей скорбью!

Первый огонек складывает руки в невинном жесте:

— Ты пропустишь восход. Солнце почти у горизонта. Не хочешь взглянуть?

Восход солнца. Значит, мой покой почти закончен. Стоит лишь подумать о домашних делах, штотке одежды и словесных оскорблениях, ждущих меня по возвращении в квартиру, и на сердце становится тяжело. Я бросаю взгляд на горизонт, но не вижу и следа солнца: за высокими дымовыми трубами мало что можно разглядеть. Мной овладевает тоска, и непокорная часть меня, доставшаяся мне от фейри, тянет вперед, побуждая бросить все и сбежать. Но тут же в голове эхом звучит давнее обещание.

«Никогда не сдавайся. Обещай мне».

Стиснув зубы, я поднимаюсь на ноги и, удерживая равновесие на выступе крыши, поворачиваюсь к трубе. Привстаю на цыпочки, вытягиваю руки и хватаюсь за верхушку трубы, не обращая внимания на сажу, оставляющую пятна на коже и одежде. Я взбираюсь наверх, и огоньки, хихикая, выются вокруг меня.

Мне всегда без труда удавалось куда-либо залезть. Мама помогла мне вскарабкаться на мое первое дерево, а потом впервые подняться на крышу нашего поместья, чтобы вместе любоваться восходом солнца. Воспоминания грозят свалить меня, но я, напротив, нахожу в них силы. Забравшись на трубу, выпрямляюсь во весь рост, упираюсь ногами по обе стороны зияющего дымохода и вновь смотрю на горизонт.

— Прыгай! Лети! — умоляет огонек-мужчина, но я не обращаю внимания.

— Пой! — с насмешкой во взгляде предлагает первый огонек. — Ты хочешь, знаю!

Услышав подобный вызов, я ощущаю, как напрягаются плечи, а внезапно появившийся в горле ком рвется на свободу. Когда я забираюсь так высоко, отчасти уступая своей природе фейри, меня

всегда тянет петь. Сама мысль о том, чтобы начать напевать, позволив голосу влиться в тихую мелодию утра, вызывает во мне болезненное желание поддаться этому порыву. Горло сжимается, словно музыка рвется на волю, но я лишь сглатываю и качаю головой.

— Я не пою.

Больше нет.

Огоньки все так же насмеваются и дразнят, но сейчас они меня не волнуют. Поверх дымовых труб и фабрик, усеивающих Серый квартал — такой же мрачный, как и его название, — я всматриваюсь в даль, окидывая взглядом город, раскинувшийся за пределами района, а за ним горы и сельскую местность вдали.

Вскоре я снова остаюсь одна, даже не заметив, как заскучавшие огоньки уносятся прочь. Застыв на месте, позволяю ветру трепать ткань пальто и танцевать в моих волосах.

Я слышу, как меняется музыка. Сперва раздается стук — открываются и закрываются двери, потом глухой звук шагов по бульжной мостовой; фабричные рабочие из близлежащих квартир и рабочих домов бредут навстречу новому дню, наполненному тяжким, изнуряющим трудом. Потом вступает ритм лошадиных копыт и колес экипажей, затем — вращение шестеренок и рев оживающих механизмов.

У меня дергаются пальцы, стремясь наиграть на призрачных клавишах пианино мотив, каждую звучащую в ушах ноту. Я уже давно не играла. И много месяцев не ощущала кончиками пальцев знакомую, успокаивающую тяжесть слоновой кости, не слышала звуков, эхом отдающихся у меня внутри. И пусть я отказываюсь петь, но по-прежнему нахожу утешение в игре на пианино. До сих пор ощущаю через него связь с мамой.

Точнее, так было прежде, пока мачеха не продала мой инструмент.

Я погружаюсь в песню, постукивая пальцами по бедрам. В мелодию вторгается крик младенца, разрывая ее подобно пропущенной ноте. И словно по команде из-за гор выглядывает первый луч солнца, расцвечивая небо приглушенными оттенками синего и золотого. Наблюдаю, как он омывает светом пригород у подножия гор, и у меня перехватывает дыхание. Где-то среди испещренной золотыми пятнами зелени находится дом моего детства, скромное загородное поместье, где я провела свои счастливейшие годы.

Пока все не изменилось.

Тогда я пела в последний раз.

И убила единственного человека, который меня любил.

Сглатываю обжигающий горло ком и вновь вслушиваюсь в нарастающую музыку. Она становится все громче, заглушая скрытую во мне печаль, постепенно превращающуюся в тихий шепот. Мелодия ускоряет ритм и в то же время замедляется, словно музыканты играют неслаженно. Я вновь начинаю постукивать пальцами, отбивая один такт, затем другой.

А потом слышу звон колоколов.

Сейчас разумнее всего спуститься и привести себя в порядок, пока мачеха не начала меня искать. Но солнце поднимается все выше, и я понимаю, что не могу отвести взгляд. Я замираю на месте, наблюдая, как становится ярче его золотой блеск. Улицу за улицей, оно целует Эванстон и в любой миг осветит даже Серый квартал.

Внутри вспыхивает тревога, но мятежный дух словно приковывает ноги к выступу дымохода. Я стою здесь. Еще немного...

— Эмбер! — разносится по квартире внизу резкий голос, и я ощущаю, как напрягается спина, а внутри возникает прежнее желание сопротивляться. — Эмбер Монтгомери! — снова зовет меня мачеха.

Закрыв глаза, я стискиваю зубы и тянусь к висящему на шее медальону. Крепко сжав его, пытаюсь успокоиться, делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю. А после, выпустив медальон, спускаюсь с дымохода и ползу к краю крыши. Подальше от мира. И от музыки.

Чтобы выполнить условия сделки, которую мне вовсе не следовало заключать.

Эмбер

Каждого человека на острове Фейривэй учат никогда не заключать сделки с фейри. Этот принцип усвоили задолго до того, как двадцать один год назад фейри поглотили людские земли и объединили их под своей властью.

Однако никто не предупреждает самих фейри — или полуфейри вроде меня — никогда не заключать сделок с людьми. Я часто задаюсь вопросом, пошла бы я на сделку три года назад, если бы мне с детства вдалбливали это предупреждение? Или вес горя и вины все равно не позволили бы мне отличить правду от лжи и распознать хитрость?

Впрочем, подобные вопросы все равно не помогут. Они не изменят того, что я скована заключенной сделкой. И привязана к мачехе.

Еще на целых две недели.

Я снова слышу собственное имя, на этот раз ближе. Торопясь поскорее вернуться, спрыгиваю на навес над окном своей спальни. К счастью, квартиры